

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ КОНЦЕПТА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ» В РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Азизов С.У.

доктор философии (PhD) по педагогическим наукам, ст. преп.

Узбекский государственный университет мировых языков

Ташкент, Узбекистан

solijonazizov1@gmail.com

<https://doi.org/10.5281/zenodo.19677122>

Аннотация. В данном тезисе анализируется когнитивная модель концепта «преступление» в русском художественном дискурсе, выявляются его понятийные, аксиологические и экзистенциальные уровни, а также особенности дискурсивной репрезентации, что позволяет определить специфику художественной концептуализации преступления в русской культурно-языковой традиции.

Ключевые слова: концепт, когнитивная модель, художественный дискурс, преступление, аксиология, вина, совесть, экзистенциальность.

В системе русской художественной культуры концепт «преступление» занимает особое место. Его интерпретация выходит за пределы юридической дефиниции и приобретает философско-нравственный характер. В отличие от правового дискурса, где преступление определяется как формально-правовой акт, художественный текст раскрывает его как внутреннее событие сознания.

С позиций когнитивной лингвистики концепт рассматривается как ментальная структура, интегрирующая знания, оценки и культурные смыслы. Е.С. Кубрякова подчёркивает, что концепт представляет собой «оперативную единицу памяти, ментального лексикона и всей концептуальной системы человека» [3]. Следовательно, анализ концепта требует выхода за рамки словарного значения и обращения к его культурно-ценностному содержанию.

В.И. Карасик указывает, что структура концепта включает понятийный, образный и ценностный компоненты [2]. В художественном дискурсе именно ценностный слой становится доминирующим, поскольку интерпретация события строится через категорию нравственной оценки.

Русская литература XIX века (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой) формирует особую традицию концептуализации преступления как духовного кризиса личности. Цель настоящего исследования – реконструировать когнитивную модель концепта «преступление» в русском художественном дискурсе и выявить её структурные особенности.

Понятийный компонент: семантическое ядро концепта. Понятийный уровень концепта «преступление» в русском художественном дискурсе характеризуется семантической полислойностью. Если юридическое определение фиксирует объективные признаки – общественную опасность и наказуемость, – то художественный текст актуализирует субъективно-психологические параметры.

В текстах Ф.М. Достоевского преступление предстает как акт трансгрессии –

выхода за пределы дозволенного. Однако трансгрессия понимается не только как нарушение социальной нормы, но и как пересечение внутренней моральной границы. Лексические репрезентанты концепта образуют расширенное семантическое поле: грех, вина, кровь, страдание, суд, совесть, искупление.

Семантический анализ показывает, что слово «преступление» в художественном дискурсе часто не употребляется напрямую; его смысл разворачивается через перифразы и метафорические обозначения. Это свидетельствует о латентном характере концепта: он структурирует текст даже при отсутствии прямой номинации.

Понятийное ядро концепта включает следующие когнитивные признаки: осознанность действия (герой понимает, что нарушает норму); мотивированность (идея, страсть, философская теория); нарушение ценностного порядка, а не только закона; необратимость последствий; включённость в моральную перспективу.

Таким образом, в художественном сознании преступление – это прежде всего акт ценностного выбора.

Фреймовая организация концепта. Применение фреймового анализа позволяет структурировать концепт как сложную сценарную модель. Согласно Ч. Филлмору, значение слова раскрывается через структурированную типовую ситуацию, включающую участников и их роли [4]. Именно такая модель позволяет реконструировать когнитивную схему преступления в художественном дискурсе.

Слот «Субъект». Субъект преступления в русской литературе – это, как правило, личность рефлексирующая. Он не является типичным криминальным персонажем. Его внутренний мир подробно раскрывается через внутренние монологи, поток сознания, психологические детали. Субъект часто находится в состоянии раздвоенности: рациональное оправдание конфликта вступает в противоречие с нравственным чувством.

Слот «Мотив». Мотивы преступления имеют философскую или нравственную природу. Это может быть: проверка идеи; стремление к самоутверждению; протест против социальной несправедливости; психологическая аффективность. В русской традиции мотив почти всегда интеллектуализирован.

Слот «Рефлексия». Данный слот является структурообразующим. После совершения преступления герой проходит стадию интенсивного внутреннего анализа. Текст насыщается лексикой сомнения, страха, тревоги.

Слот «Страдание». Страдание – обязательный элемент фрейма. Оно выражается через психофизиологические описания (жар, озноб, бессонница), что усиливает когнитивную модель «ПРЕСТУПЛЕНИЕ – БОЛЕЗНЬ».

Слот «Наказание» и «Искупление». Юридическое наказание в русской традиции вторично по отношению к внутреннему. Искупление возможно через признание, покаяние, духовное очищение.

Таким образом, фрейм «преступление» в русском художественном дискурсе представляет собой динамическую модель духовного кризиса.

Образный компонент: когнитивно-метафорическая система. Метафорические структуры формируют глубинный уровень концептуализации. Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что метафора является не украшением речи, а

механизмом структурирования мышления [5]. Следовательно, модели «ПРЕСТУПЛЕНИЕ – БОЛЕЗНЬ» и «ПРЕСТУПЛЕНИЕ – ПАДЕНИЕ» отражают когнитивный способ осмысления нравственного кризиса.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – БОЛЕЗНЬ. В текстах наблюдается частотность соматической лексики: жар, бред, дрожь, лихорадка. Преступление концептуализируется как патологическое состояние сознания. Эта модель отражает понимание преступления как внутреннего расстройства, а не как внешнего события.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – ПАДЕНИЕ. Вертикальная метафорика (падение, низость, бездна) указывает на нарушение моральной иерархии. Герой «опускается», «падает», что актуализирует религиозную символику.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – РАСКОЛ. Метафора раскола отражает раздвоенность субъекта. Концепт связан с семантикой трещины, разрыва, деления. Эта модель демонстрирует потерю внутренней целостности.

Метафорическая система усиливает аксиологический характер концепта.

Аксиологическая структура концепта. Аксиологический компонент в русском художественном дискурсе определяет способ осмысления преступления. Нарушение закона интерпретируется прежде всего как нарушение нравственного порядка. Н.Д. Арутюнова подчёркивает, что значение в художественном тексте формируется в оценочной перспективе [1], что объясняет доминирование моральной оценки над юридической квалификацией.

Центральной категорией выступает **вина** – не юридический статус, а внутреннее переживание. Лексические маркеры (*стыд, мука, раскаяние, совесть*) формируют оценочное поле концепта. Преступление сопровождается внутренним напряжением, которое сохраняется даже при отсутствии внешнего наказания.

Категория **совести** выполняет функцию внутреннего суда. Она противопоставляется рациональному оправданию поступка и задаёт моральную перспективу интерпретации события.

Таким образом, аксиологическая модель концепта может быть представлена как динамика: *преступление* → *вина* → *страдание* → *возможность нравственной трансформации*.

Именно приоритет нравственной оценки над юридической определяет специфику русской художественной концептуализации преступления.

Экзистенциальное измерение концепта «преступление». В русском художественном дискурсе преступление приобретает экзистенциальный характер. Оно интерпретируется не только как социальное действие, но как событие внутреннего бытия личности.

Преступление становится актом свободного выбора, через который субъект определяет собственную нравственную позицию. В этом смысле оно выступает как форма самоиспытания: герой проверяет пределы дозволенного и сталкивается с границами своей свободы.

После совершения преступления ключевым оказывается не внешний суд, а внутренний кризис. Нарушение нормы вызывает состояние отчуждения, внутреннего раскола и утраты целостности. Тем самым преступление осмысляется как

онтологический перелом – момент, изменяющий самоощущение героя.

Экзистенциальная специфика русской модели заключается в том, что преступление раскрывает глубинную сущность личности. Оно становится формой нравственного самопознания и одновременно испытанием духовной устойчивости.

Прототипический сценарий концепта «преступление». Реконструкция текстового материала позволяет выделить типовую когнитивную модель преступления в русском художественном дискурсе.

Сценарий включает следующие этапы: (1) возникновение идеи или внутреннего конфликта; (2) осознание запрета и моральной границы; (3) акт нарушения нормы; (4) рефлексия и внутренний анализ; (5) страдание как психологическое последствие; (6) наказание (внешнее или внутреннее); (7) возможность раскаяния и духовной трансформации.

Особенностью данного сценария является обязательность стадии рефлексии. Преступление не замыкается на событии действия – оно разворачивается в сфере сознания.

Тем самым прототипическая модель в русском художественном дискурсе имеет направленность от внешнего поступка к внутреннему преображению личности.

Дискурсивная репрезентация концепта «преступление». В русском художественном дискурсе концепт «преступление» реализуется преимущественно через внутреннюю речь и оценочную лексику. Его репрезентация строится вокруг семантических полей вины, страдания, суда, совести, что формирует устойчивую нравственную перспективу текста.

Нарратив смещает акцент с внешнего факта преступления на процесс его осмысления. Внутренние монологи, риторические вопросы и повторяемость эмоционально-напряжённых лексем передают состояние психологического разлома.

Тем самым преступление в дискурсе выступает не столько событием действия, сколько событием сознания, что соответствует специфике русской художественной концептуализации.

Таким образом, концепт «преступление» в русском художественном дискурсе представляет собой многослойную когнитивную модель, в которой понятийный, аксиологический, экзистенциальный и дискурсивный уровни образуют целостную систему. В отличие от юридической интерпретации, акцент в художественном сознании смещается с факта нарушения закона на внутренний нравственный конфликт личности, переживание вины и возможность духовной трансформации. Преступление осмысливается как событие сознания и акт самоопределения субъекта, что определяет специфику русской национально-культурной концептуализации данного феномена.

References:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – XV, 895 с.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Москва: ГНОЗИС, 2004. – 389, [1] с.
3. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – Москва: Языки славянской

культуры, 2004. – 560 с.

4. Fillmore Ch.J. Frame semantics // Linguistics in the Morning Calm. – Seoul: Hanshin Publishing Co., 1982. – pp. 111–137.

5. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago: University of Chicago Press, 2008. – 256 p.